

П.И. Вейнберг

Генрих Гейне

Его жизнь и литературная деятельность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В26

В26 **Вейнберг П.И.**
Генрих Гейне: Его жизнь и литературная деятельность / П.И. Вейнберг – М.: Книга по Требованию, 2021. – 104 с.

ISBN 978-5-4241-2460-0

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-2460-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© П.И. Вейнберг, 2021

Петр Исаевич Вейнберг
Генрих Гейне. Его жизнь и
литературная деятельность

**Биографический очерк П. И. Вейн-
берга с портретом Гейне, гравирован-
ным в Лейпциге Геданом**

От автора

Рамки настоящего издания обусловили соединение в нескольких листах того, что могло бы дать богатый материал на большой том. Но я смею думать, что ничто существенное не упущено мною из виду и что если по необходимости отсутствуют многие подробности, частности, то сохранено все находящееся в тесной *связи с* главной целью нашего очерка – показать по возможности житейскую и литературную личность знаменитого поэта.

Главным источником служили мне собственные сочинения и письма Гейне; затем я пользовался известною биографией *Штротмана* «H. Heine's Leben und Werke», более новым сочинением *Прёльса* «Henrich Heine» и рассказами брата поэта, Максимилиана Гейне, его друзей – Лаубе, Мейснера и других, его «Мушки» Камиллы Сельден, лорда Гоутона и других.

П. В.

Глава I. Детство и юность Гейне

Родители Гейне. – Роль матери в воспитании «Гарри». – Симон Гельдерн и его влияние на фантазию будущего поэта. – Первое чтение: «Дон Кихот» и «Путешествия Гулливера». – Дюссельдорфский лицей и лекции философии. – Религиозный индифферентизм в семье Гейне. – Раннее начало французского влияния. – Скептическое отношение к школе. – Первые вспышки любви. – Вероника и Зефхен.

Генрих Гейне в шутку, без которой он так редко мог обойтись, называл себя первым человеком девятнадцатого столетия, уверяя, что он родился первого января 1801 года. На самом же деле будущий великий поэт Германии родился 13 декабря 1799 года в городе Дюссельдорфе на Рейне. Гейне по происхождению еврей, и предки его не могли похвалиться особенною знатностью своего родового древа. По матери наш поэт был «знатнее»: она принадлежала к фамилии Гельдерн, пользовавшейся большим почетом при дворе и в обществе, но за Самсона Гейне вышла уже бедною девушкой после разорения ее отца, и муж ее завел в Дюссельдорфе торговлю английскими мануфактурными товарами, однако шедшую плохо.

Биографы Генриха Гейне в истории его развития приписывают видную роль влиянию его матери; внимательно всматриваясь в обстоятельства детства и юношества нашего поэта, мы не можем, однако, вполне согласиться с этим мнением. Правда Бетти Гейне (имя матери поэта) была женщина очень образованная; правда она была жаркою последовательницею Ж.-Ж. Руссо и ее религиозные убеждения были построены на почве строгого деизма; правда, наконец, что все заботы о воспитании детей лежали исключительно на ней, и она была вся поглощена этими заботами. Неоспоримо все это, но другие, гораздо более веские факты представляют дело в совсем ином свете. Уже одно то обстоятельство, что эта женщина как истая дочь рационалистического XVIII века ставила на первый план разум и наиболее тревожилась мыслью о том, что ее Генрих, пожалуй, сделается когда-нибудь поэтом, – уже одно это обстоятельство, думаем, достаточно говорит в пользу того, что своим собственно поэтическим развитием Гейне обязан отнюдь не матери.

«В нас самих заключаются звезды нашего счастья,» – замечает он в своих «Мемуарах», сообщая тут же, что мать «боялась поэзии, вырывала из рук сына всякий роман, какой находила в них; запрещала ему ходить в театр, отстраняла от всякого участия в народных играх, наблюдала за его знакомствами, бранила прислугу, которая в его присутствии рассказывала истории о привидениях – делала, одним словом, все возможное, чтобы отдалять от него суеверие и поэзию».

Не от нее, по его собственному заявлению, унаследовал он «наклонность к фантастическому и романтическому», то есть к тому, что вошло самым существенным элементом в первоначальное творчество поэта; а если к вышеприведенному прибавим еще одно заявление сына, что «на господство над действительным направлением его мысли она никогда не покушалась и относительно него была олицетворением деликатности и любви» – то, кажется, имеем достаточно основание утверждать, что собственно на поэтическое развитие Гейне мать не только не оказала благоприятного влияния, но даже противодействовала

ему.

С последним заявлением об отсутствии «покушения на господство над действительным направлением мысли» сына находятся, однако, в противоречии те сведения о системе воспитания Генриха, которые находим в его «Мемуарах» и которые являются для нас доказательством, что житейский путь, по которому пошел наш поэт и с которого он не сходил до конца своей жизни, был проложен ему отнюдь не матерью. Всю свою систему воспитания она сообразовала с теми «широкими и блистательными планами», которые строила для своего «Гарри», усматривая в его умственных способностях великолепные задатки для осуществления этих планов. То она, ослепленная блеском первой французской империи, подчинившей себе в эту пору Германию, и видя, например, как одна из ее подруг, дочь железного фабриканта, сделалась женой герцога и известного генерала, — начинает тоже грезить для своего Генриха «о самых золотых эполетах или о самых почетных должностях при дворе Наполеона» и, сообразно этому, заставляет его учиться разным военным наукам. То, с падением империи, она отказывается от этих стремлений и, будучи свидетельницей сказочного возвышения дома Ротшильдов, решает, что и сын ее может и должен сделаться денежной державой, вследствие чего — как увидим ниже — знакомит его с вексельным делом, с торговлею, через посредство учителей набивает его голову всевозможными предметами, имеющими отношение к сухопутной и морской торговле, к промышленности и тому подобному. То, когда вокруг нее начинают лопаться одно торговое предприятие за другим, она начинает придумывать для сына новую карьеру и, заметив общее процветание юридического, собственно адвокатского, сословия, решает, что Генриху непременно надо сделаться адвокатом — и отправляет его в университет слушать лекции по юридическому факультету. Мало того: мы имеем даже указание, что она, сперва энергично отклонившая предложение одного из учителей Генриха — окрестить этого последнего в католическую веру и посвятить его духовному званию, — впоследствии раскаивалась, что не сделала этого... И только «после стольких фиаско, — говорит сын, беспрекословно повиновавшийся ее распоряжениям, — она отказалась от верховного руководства моею жизнью», — и прибавляет, что «именно она была виновата в бесплодности большинства моих попыток и стремлений на общественном поприще, так как ни одна из представлявшихся мне должностей не соответствовала моей натуре». Это не мешало, однако, поэту всю жизнь питать к матери глубочайшую, до благоговения доходившую любовь, которую он выразил и в нескольких из душевнейших своих стихотворений. Да она и заслуживала этой любви, потому что только и жила мыслью и заботами о своих детях, и если Генрих Гейне как поэт несколько не обязан ее влиянию, то в его умственном и нравственном развитии вообще она все-таки не осталась без довольно видной роли.

Очень любил Гейне и своего отца; но то, что нам известно об этом человеке по рассказам самого сына, представляет нам его — несмотря на нежность, которою проникнуты эти рассказы — в свете далеко не привлекательном, а, по крайней мере, в таком, при котором уже ни о малейшем нравственно благотворном, а уж подавно умственном образовательном влиянии не может быть и речи. Это человек очень добрый, помогающий бедным, насколько позволяют его средства, общительный, но весьма пустой, суетный, в душе которого, по очень меткому и образному выражению сына, «было вечное ярмарочное увеселение». В ранней

молодости провиантмейстер или комиссар в свите принца Кумберландского (впоследствии короля Ганноверского), он приобретает в этой службе безграничную любовь к солдатскому сословию, «или, вернее, к игре в солдаты, – склонность к той веселой праздной жизни, в которой золотая мишура и яркие тряпки скрывают внутреннюю пустоту и упоенное тщеславие может выдавать себя за мужество»; парады, ловко скроенный мундир, звяканье шпор – вот что составляет предмет восхищения отца нашего поэта, и эти наклонности он продолжает сохранять и тогда, когда мы видим его уже скромным дюссельдорфским купцом, торгующим мануфактурными товарами. Переезжая в Дюссельдорф после женитьбы, он привозит туда с собой двенадцать лошадей, свиту охотничьих собак, какого-то негодяя – шталмейстера – и расстается со всем этим только по настоянию своей жены, женщины благоразумной и экономной. Умственные способности и развитие этого человека тоже стояли далеко не на высокой ступени, и все, чему учил щеголь купец сына, заключалось в благотворительности; да и благотворительность эта имела более внешний характер, проявляясь в форме ежедневной раздачи пятаков бедным...

Но между ближайшими родственниками будущего поэта нашелся один, в общении с которым мальчик Гарри находил почву для разработки своих чисто поэтических задатков и своих склонностей к умственной работе вообще. Это был его дядя по матери, Симон Гельдерн, большой чудаковатый во внешних проявлениях, с наружностью, вызывавшей даже непочтительный смех, но с прекраснейшим и благороднейшим сердцем. Бывший воспитанник коллегии иезуитов, где он окончил курс так называемых гуманитарных наук, страстный библиоман, плохой автор политических статей, живо интересующийся всеми современными вопросами, этот человек старался сообщать племяннику свои знания и прививать свои вкусы, дарил ему прекрасные книги, отдавал в его распоряжение свою библиотеку, богатую классическими сочинениями и важными современными брошюрами, и всем этим, как прямо заявлял впоследствии Гейне, оказывал большое влияние на его развитие. Симон Гельдерн жил в старом доме, доставшемся ему от отца; чердак этого дома представлял собою склад всевозможного домашнего хлама: разных глобусов, колб и реторт, свидетельствовавших об астрологических и алхимических занятиях прежнего домовладельца, книг медицинского, философского и каббалистического содержания. Здесь проводил целые часы будущий романтик, в этой обстановке все «представлялось ему облитым фантастическими лучами», и в далекие, неведомые пространства устремлялось его богатое воображение, когда в этой таинственной пыли находил он такие вещи, как, например, записная книжка одного из его предков по матери – весьма загадочного человека, странствовавшего по всему свету, преимущественно по Востоку, бывшего и набожным пилигримом, и предводителем бедуинского племени, и чем-то вроде чернокнижника. Гейне, характеризуя его в «Мемуарах» как «полуфантазера, занимавшегося пропагандой космополитических, осчастливливающих мир утопий, и полуавантюриста, который в сознании своей индивидуальной силы разрушает или переступает гнилые пределы гнилого общества», – свидетельствует о сильном влиянии, которое производило на его детское впечатлительное воображение и то, что он мог понять в этой уцелевшей записной книжке, и сохранившиеся в семье рассказы и традиции об этой таинственной личности.

«Я так глубоко, – говорит он, – погружался в его странствия и приключения,

моя юношеская фантазия до такой степени занималась им и ночью, что я совершенно сжился с ним, и по временам, среди бела дня, охватывало меня неприятное, тревожное чувство, и мне казалось, будто я сам – мой покойный дед, и моя жизнь есть только продолжение жизни его, давно умершего!.. Ночью то же самое отражалось ретроспективно в моих сновидениях. Жизнь моя походила в ту пору на большую газету, где в верхней части страницы помещалось настоящее, все события и происшествия дня, между тем как в нижней фантастически, непрерывными ночными грезами, точно ряд фельетонов-романов, давало себя знать поэтическое прошлое... Не одну свою идиосинкразию, не одну фатальную симпатию и антипатию, которая, быть может, находится в противоречии с моею натурой, даже многие поступки мои, противоречащие моему образу мыслей, – я объяснял себе как отражение того времени грез, когда я был моим собственным дедом. Оно обусловило мою последующую деятельность – как писателя и как человека. Когда я делаю ошибки, источник которых мне представляется непонятным, то охотно ставлю их на счет моего восточного двойника...»

Записная книжка этого родственника, как выше замечено, не могла давать мальчику значительный материал собственно для чтения уже потому, что большая часть ее была написана арабскими, сирийскими и коптскими буквами. Зато не одним сокровищем обогатился его ум в вышеупомянутой библиотеке дяди – судя по тому, что первыми книгами, которые он прочел здесь, после вступления своего в пору разумного детства, были «Дон Кихот» и «Путешествия Гулливера». Неподражаемо поэтически описал он сам в «Путевых картинах» впечатление, производившееся на него бессмертным творением Сервантеса. Общение с «Дон Кихотом» не ограничилось у Гейне детским возрастом; книгу эту неоднократно читал он в различные возрасты своей жизни, и на всех ее путях «...преследовали меня, – писал он гораздо позже, – фигуры худощавого рыцаря и его толстого оруженосца, в особенности когда я достигал рокового перепутья... Может быть, я тоже не кто иной, как Дон Кихот». Что касается «Путешествий Гулливера», то чтению их маленьким Гейне, конечно, нельзя не придать большого значения в жизни того, кому тоже суждено было сделаться одним из гениальнейших сатириков. В творении Свифта двенадцатилетнего Генриха главным образом занимала судьба великана, присутствие которого внушало столько страха и опасений карликам-лилипутам, и, если верить Гейне, в этой судьбе он усматривал сходство с отношениями Европы и Наполеона I, – отношениями, разыгрывавшимися на глазах нашего поэта в пору его ранней молодости. Говорим – «если верить», потому что вряд ли в этом возрасте он способен был уже проводить такие аналогии.

Не под такими только влияниями и впечатлениями рос будущий автор «Путевых картин» и «Альманзора».

Между тем как, с одной стороны, его романтическая по своей натуре, можно даже сказать, восточная фантазия и чисто поэтическое чувство находили себе богатую пищу как в том, о чем мы только что рассказали, так и в его любовных увлечениях уже в самые ранние годы – с другой стороны, уже теперь развивались в нем семена того скептицизма, внутреннего разлада – тех, одним словом, элементов «мировой скорби», которые впоследствии наложили такую яркую печать на поэтическое творчество Гейне. Как ни странно может казаться это, но в его голову уже почти с детства начинают западать философские идеи, и притом та-

кого свойства, которыми ум наводится именно на путь пытливого мышления, а следовательно и скептического отношения ко многим вопросам, освященным вековыми традициями. В Дюссельдорфском лицее, где Гейне получил свое первое образование, читались для старших классов лекции философии, и профессор Шалмейер, хотя и почтенный католический священник, излагал, однако, своим юным слушателям все системы самых свободных греческих мыслителей. Гейне закончил курс в этом заведении уже пятнадцати лет; вот, стало быть, в таком возрасте начал он знакомиться с этими учениями.

«Это обстоятельство, — говорит он, — конечно, очень важно для меня; еще мальчиком я должен был привыкать к философским лекциям... Таким образом, здесь (т. е. слушая лекции Шалмейера) я рано увидел, как, при отсутствии лицемерия, религия и сомнение шли спокойно рядом, и через это во мне родилось не только неверие, но и самое толерантное равнодушие».

Не менее важности придает он и тому обстоятельству, что родился в конце скептического восемнадцатого столетия и в том городе, где в пору его детства господствовали не только французы, то есть Наполеон, но и французский дух, — и в одном месте своих сочинений опять называет себя «отчасти сыном французской философии...» До какой степени эти лекции влияли на ум мальчика Гейне, видно из одного весьма интересного факта, относящегося именно к этой поре. В лицее Генрих близко сошелся с молодым сыном одного хлебного торговца, который выгнал юношу из дома за его «вольнодумство», бывшее результатом чтения разных философских трактатов. Наш поэт украдкой виделся с ним, и они вместе читали философские сочинения, даже Спинозу, и пускались в оживленные прения по вопросам, на которые наталкивали их эти страницы. Само собой разумеется, что этого рода вещи действовали на мальчика, даже почти юношу, больше, если можно так выразиться, инстинктивно, что никакое отчетливое, вполне сознательное представление по таким вопросам в этой молодой голове составить не могло, — но семена, во всяком случае, ложились на такую благодатную почву, что рано или поздно должны были принести свои плоды.

Этому «насаждению» философски-скептических «семян» в очень значительной степени благоприятствовал тот религиозный индифферентизм, который находил себе место в доме родителей нашего поэта. Правда, внешние еврейские обряды исполнялись здесь в точности; но это происходило от той же самой причины, которая заставляла Генриха Гейне до его перехода в христианство — да в душе и после того — чтить эту внешнюю сторону, не разрывая связи с нею: от семейного, племенного чувства, от известного рода благочестия относительно вековых традиций, которое усиливалось еще и несчастною судьбою его единоверцев. Но дело ограничивалось именно только внешнею стороною. От матери поэта, последовательницы Руссо, строгой деистки, нельзя было и ожидать внутренней преданности еврейству как одной из положительных религий; что касается отца, то в мемуарах поэта находим одну очень характеристическую на этот счет подробность. Самсону Гейне передали, что его Гарри насмехается над религией, что он отрицает Бога и тому подобное. По этому случаю старик прочел сыну длинную проповедь, в которой между прочим сказал: «Твоя мать посылает тебя учиться философии у ректора Шалмейера. Это ее дело. Я с моей стороны не люблю философии, потому что в ней все — суеверие; а я купец, и мне нужна моя голова для ведения моих дел. Ты можешь быть философом сколько тебе

угодно, но прошу тебя – не говори публично, что ты думаешь, потому что мои дела пошли бы дурно, если бы мои клиенты узнали, что я имею сына, не верующего в Бога; особенно евреи перестали бы покупать у меня бархат, а они – честные люди и платят аккуратно и имеют право и основание держаться религии...» Немудрено, что окруженный такими воззрениями, а в значительной степени, конечно, и благодаря собственной натуре, направлению и свойству собственного ума, Гейне-мальчик, соблюдая внешние обряды еврейской религии, относился, однако, к ним и ко всем талмудическим утонченностям скептически, даже насмешливо...

Рано также проснулись в Гейне идеи политического свойства, начало слагаться его политическое мирозерцание – и это благодаря тем обстоятельствам, среди которых приходилось расти мальчику и которые, если отразились на последующей литературной деятельности поэта только отчасти, то, во всяком случае, дали ей обильный материал. Период детства и первых годов юношества Гейне был периодом полнейшего позора и политического падения Германии. Вместе с большей частью Европы и она, в лице «Рейнского союза», бессильно отдалась железной власти Наполеона; маленькое герцогство Юлихбергское, где главным городом был Дюссельдорф, тоже не избежало этой участи. В двух формах являлось господство французов соотечественникам и согражданам Гейне: с одной стороны, тяжело ложились на них, как и на все народы, склонившиеся под властью Наполеона, подати, налоги, деспотическое управление и тому подобное, с другой – они на себе испытывали благодетельные проявления того гражданского равенства, которым Наполеон вознаграждал подчинявшиеся ему страны за потерю их национальной свободы и независимости – уничтожение крепостного права, отмену запрещения дворянам вступать в брак с лицами крестьянского и мещанского сословия, реформы судопроизводства по французскому образцу и тому подобное. Для единоверцев Гейне наполеоновское господство имело еще и то благотворное значение, что им был сделан – благодаря установлению равноправности для евреев с другими национальностями относительно рекрутчины – по крайней мере, первый шаг на пути освобождения их от тысячелетнего рабства, которое в эту именно пору было сильнее, чем когда-либо.

В такой политической атмосфере рос маленький Гейне, не видя при этом, с другой стороны, как противовес французскому влиянию, ничего похожего на истинный патриотизм. Да этому чувству и не могло быть места в немецком населении, как и повсюду в Германии, при воспоминании о том, чем была в последнее время «священная римская империя», этот политический труп с чисто формальным, мишурным значением.

Еще меньше смысла мог иметь немецкий патриотизм в населении еврейском, испытывавшем на себе страшный гнет со стороны Германии...

Французское влияние, по справедливому замечанию лучшего биографа Гейне, Штротзмана, необходимо принимать во внимание для справедливой оценки развития нашего поэта и позднейшей писательской деятельности его; несомненно, что раннее и тесное общение с подвижными и смелыми элементами французской национальности сообщили ему ту подвижную смелость и уверенность, которою запечатлена большая часть произведений нашего поэта; как несомненно, с другой стороны, что эти же влияния поселили в душе ребенка первые семена той изменчивости характера, которая впоследствии часто выставляла в двусмыс-